

Родилась в г. Каменске-Уральском. Личность загадочная. Настолько, что возникает вопрос, не идет ли речь о литературной мистификации? Начала писать стихи уже после тридцати лет, и сразу же, на высочайшем уровне, в её стихах нет провалов, нет слабых мест. Так о ней писали в журнале «Сноб», сама же Вера человек необыкновенной скромности, о себе рассказывать не любит, да и зачем, когда она вся в своих стихах, поскольку душа автора присутствует в каждом тексте. И лишь из соцсетей можно узнать, что она является одним из самых читаемых современных поэтов за рубежом, что стала лауреатом многих конкурсов, в том числе и в Санкт-Петербурге в 2015 году, получив заслуженную награду на фестивале «Петербургские мосты», завоевав первое место в конкурсе «Заблудившийся трамвай». Впрочем, сущность поэта определяют не звания и награды, а читательское признание, а вот здесь Вере Кузьминой нет равных.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ

Я щекастая баба — не Гете, не Данте, но доходит (ключом до замка), почему мне так дорог Исаак-эмигрант и зарезанный Васька-зэка, и задавленный лошадью тихий Федот (через месяц ушел за женой): потому что на мне обрывается род — деревянный, тряпичный, ржаной. Мне реветь? А не буду, хоть палкой убей синеглазую дерзкую голь — пересыпала ломтик житухи моей мужиковая крепкая соль. Он стирает мне слезы с обветренных щек и латает дырявые дни. Он из прошлого века — советский еще, значит, мне, соловецкой, сродни. Как плюет двадцать первый пластмассовый век кукурузой двадцатому в грудь... Но смахнет шелуху мой родной человек: хомячок мой щекастенький — будь.

Если делишь копейку, горбушку и сон, ерунду-лабуду-лебеду — пусть на плечи бросается век-покемон мне — последней в ушедшем роду...

ЯБЛОЧНОЕ

А все стихи на свете — о любви... В занозах, поцелуях и разломах.

О том, как ты идешь среди живых, стреляешь,

совершая новый промах,

В тебя стреляют —

чертова напасть, чтоб уложить вповалку на постели...

Но очень трудно в яблочко попасть.

Любовь слепа.

Слепым не видно цели.

А все стихи на свете — о войне... Про *veni, vidi, vici*, девять граммов.

И яблоки по-прежнему в цене — вас много, победителей-Адамов,

Доставших до эдемских облаков

(и многие достали, между прочим...)

Познание — оно и есть любовь.

И хорошо, когда без червоточин.

А все стихи на свете — о вине... О винном аромате райских яблок,

О том, что виноваты не вполне, безжалостно разбив о быт кораблик,

О чертовой виновнице-судьбе: мы ни при чем, не в деле и не в доле...

А все стихи на свете — о тебе.

О яблоках.

Войне.

Любви.

И боли.

СОВКИ

Давай-ка, мой хороший, по одной — за нас, дурных,
а больше бы не надо...

Моя страна натянута струной от Сахалина до Калининграда.

Сейчас в нее распахнуто окно, там огоньки, далекий лай собачий.

Не виноваты водка и вино, что мы живем вот так, а не иначе.

Вот так — не отрываясь от страны, гитарно-балалаечного гула...

Играй "Хотят ли русские войны" и "Журавлей" Гамзатова Расула,

Играй, страна!

Добавь смешной тоски:

Артек, Гагарин, Жуков, батя юный...

Да, мы совки.

...а дети на совки

В песочнице натягивают струны.

Давай еще — и по последней, ша! За Родину, натянутую туго.

За каждого смешного малыша.

За то, что все же держим мы друг друга.

Да, перебрали. Улицы страны дрожат струной, неровные такие...

Споем "Хотят ли русские войны",

чтоб слышали Берлин, Париж и Киев?

Живет страна, пока живут совки: смешные дети, мужики и бабы.

А Господу — подтягивать колки, стараясь, чтоб не туго и не слабо...

ГУСИ-ГУСЫНЬКИ

Тоже прошлое. Все тревожит,

не пускает и шьет дела...

Я, пацанка, с Настюхой Рожей

чай на кухне у ней пила.

К ней ходили со всей округи

пацаны, мужики, деды.

Вслед от баб прилетала ругань:

«Прошмандовка, ползешь куды?»

«Твой-от Васька у той мамзели —

разберись-ко со стервецом...»

И пощечинами горели

мальвы перед ее крыльцом.

«Нет Настюхиной хари лише —

глянь, уродка ведь, тошнота...»

Глаз ей батя по пьянке вышиб,

не хотел, да вот вышло так.

«...Верк, не брезгуй. Бери конфеты.
Вон халва... сколь тебе-то — семь?
Десять будет? Ох, мне бы деток,
дак не стала бы пить совсем.
Дети где? Пролетали гуси,
унесли и детей, и честь.
Каждый видит, на что гожуся:
глаза нету, а сиськи есть».
В дверь ввалился поддатый Сега,
сшиб ведро, напугал кота...
Гуси-гусыньки, тега-тега,
что кровать в углу пуста?
Я бежала из этой кухни,
как от пропасти, от ножа,
А над крышами месяц пухлый,
как дитё, на боку лежал.
И летели по ветру визги:
«Машка, твой-то у Настьки, слышь!»
«Ах, мерзавка! Сожму, так брызнет!
Проклятуща кривая мышь!»
Плакал месяц: никто не гладит
пузо, толстое, как пузырь.
Шел к Настюхе какой-то дядя,
вроде с площади Ленька-хмырь.
Гуси-гусыньки, злые птицы,
как забрать вы детей могли?
Сколь веревке вокруг ни виться —
завивается. До петли.
Сколь ни терпишь пинки да плюхи,
рано, поздно ли — пьешь до дна...
Васька в марте нашел Настюху.
Кухня. Гвоздь. Переплет окна.
Гуси-гусыньки, тега-тега,
соль да ржавчина на ноже.
Не нужна погремушка-Вега,
вырос месяц, большой уже.
Настька в небе пеленки мылит:
эй, прохожий мужик, позырь!
Не повесилась. Вы убили.
Васька. Сега. И Ленька-хмырь.

Не врите — не ходила по рукам.
 А если так — какое ваше дело?
 Сосед Витюха, пьяница и хам,
 Меня качал смешно и неумело,
 И лапой, мокрой после огурца,
 Казал козу и гладил: баба будет.
 А бабка материлась у крыльца:
 Положь дитё, обсосок ты иудин.
 Не врите — не ходила по рукам.
 Хоть были руки. Были. Обнимали.
 Я знала звуки рая — не райка,
 Чужой, такой понятной мне печали:
 "Азохен вей" и "Шема-Исроэль".
 ...в отцы годился. Что ж, кидайте камень.
 Кидайте, ну! Подглядывайте в щель,
 Как щён дворовый плакал под руками.
 Не врите — не ходила по рукам,
 Хотя давала. По рукам давала:
 В кафешках, возле пьяного ларька,
 В прокуренной чугунности вокзала.
 И руки мне давали: закурить,
 Пирог с картошкой, валенки — зима же...
 Я их любила: около корыт,
 Станков, кастрюль — в земле, муке и саже.
 Не отрекусь. Не брошу. Не отдам
 За все ключи от грёбаного рая.
 Не врёте. Я ходила по рукам.
 И буду продолжать, пока живая.

Сегодня праздник. День Единства вроде бы.
 Иду к своим знакомым старикам.
 Барак, ограда и кусты смородины,
 И для растопки деревянный хлам.
 — Привет, Ефим. Постой, хоть руки вымою.
 Дай, баба Маша, я сама налью.
 Он просит каждый раз свою любимую —
 «Не для меня». Не отказать. Пою.
 Я знаю все. По пьянке мне рассказывал,

Как не женился, не достроил дом.
В России жизнь ломается указами
Похлеще, чем петровским топором.
Не для меня — орущий в зыбке первенец
И запах ситца, хлеба, спелых трав.
...А вохровцы — они бывают нервные.
А самокрутка прячется в рукав.
В бригаде похоронной, в общем, выгодно —
Работали за совесть, не за страх.
Полна Россия болями, обидами.
Поставлена вручную. На костях.
«Не для меня». Пою. Боюсь — не вытяну
Высоких нот моей родной страны.
Сплошное «не». Немые и невытые.
Не званые. Не наши. Не нужны.
Мурлычет кот. Стучат на стенке ходики
С привешенным для тяжести гвоздем.
В графинчике наливка из смородины,
Мы наливаем — снова да ладом.
Ворчит старуха: «Ну, дорвался, ласковый.
Ведь девке-то на службу, слышь, Ефим».
«Да это ж послезавтра только, ясонька».
«Тогда и мне плесните заодним».
Какой рассвет сегодня над бараками —
Набивший зоб рябиновый снегирь.
Стрельчихи под таким рассветом плакали,
И ехала Волконская в Сибирь,
И падали зэка в постель из ягеля —
Их не разбудит злобный вертухай...
Кровавые раздавленные ягоды
Рассвет, наевшись, сплюнул на сарай.
Мы ночку скоротали — не заметили.
Под солнцем обескровленного дня
Спешу домой. Застыли лужи. Ветрено.
Еще приду. Спою «Не для меня».

ЛЕТЕТЬ

На осевших сосновых воротах
Досыхает рыбацкая сеть.
Мне охрипшей прокуренной нотой
Над провинцией тихой лететь.
Здесь ответы — лишь «по фиг» и «на фиг»,
Здесь, старушечью келью храня,
С черно-белых простых фотографий
Перемершая смотрит родня,
Здесь в одном магазине — селедка,
Мыло, ситец, святые дары,
А в сарае целует залетка
Внучку-дуру — бестужи* шары.
Половина из нас — по залету
Заполняет родную страну...
Мне — охрипшей прокуренной нотой
По верхам — по векам — в глубину —
В ласку теплой чужой рукавицы,
В стариковский потертый вельвет...
Дотянуть. Долететь. Раствориться.
Смерти нет. Понимаете? Нет.

Ох, и крепко нынче выстыло,
Ох, мороз крещенский крут...
Чьи следы по снегу чистому
К моему крыльцу ведут?
Все готово: булки с вишнями,
Чайник с чаем, винегрет.
Только к бабе так притиснешься,
Что и смерти вроде нет.
Перелюблен — переборчивый:
Променяет на пятак,
То ряба, то рожу скорчила,
То позырила не так.
Вот и ждут бабенки к ужину,
Чтоб сказать потом: живи,
Недолюбленных-простуженных
На ветру не до любви.

В кухне шкаф, поднос из Жостово,
Кот из миски Вискас ест...
Недолюбленный Христос-то ведь:
Бог пустил Его на крест.
Зашуршу рубашкой ситцевой,
Уведу на небеси...
Перелюблены, катиться вам
Колбасою по Руси,
Пропадать щербатым рубликом —
(А казалось, чистый клад...),
Любят только недолюбленных,
Перелюбленных — хотят.
Россия.

Я спрошу у Нюрки Нагасаки,
Вездесущей бабы: "Слышишь, Нюрок,
Не сдают ли комнату в бараке
Где-нибудь на Розы Люксембург?"
Потрындю с хозяином о ценах,
Привезу диван, ручную кладь
И останусь в этих старых стенах:
Есть картошку, спать и понимать.
Многое дойдет. Рабы — немые,
Мама мыла раму — это высь.
А веревки с рельсами — прямые,
Чтоб расправить кривенькую жисьь.
За стеной хайлает пьяный Родя:
Не дала на пиво тварь-жена...
И дойдет: на свете все проходит.
Навсегда — лишь Родина одна.